

Михаил УЛЬЯНОВ в ролях: Трубкин (фильм «Председатель»), Гулевой (спектакль Театра им. Евг. Вахтангова «Конармия»), Дмитрий Карамазов (фильм «Братья Карамазовы»).

Дар Михаила Ульянова

Ирина БОГАТКО

В РАЗГОВОРЕ со мной о работе в театре и кино, об актерском творчестве Михаил Александрович Ульянов развивал глубокую и верную мысль, которая в одной из дневниковых записей Льва Толстого выглядит дословно так:

«Художник для того, чтобы действовать на других, должен быть ищущим, чтоб его произведение было исканием. Если он все нашел и все знает и учит, или нарочно потешает, он не действует. Только, если он ищет, зритель, слушатель, читатель сливается с ним в поисках».

Для Ульянова основное в творчестве — поставить главные вопросы современности, осуществить гражданский, социальный поиск ответов на эти вопросы, внести свой вклад в наши сегодняшние понятия о положительном герое.

Идеал человека для этого актера — личность, находящаяся в непрерывном, бесконечном по диалектике развития, стремлении к общественной справедливости, правде, добру. И когда Ульянов что-то отрицает — вспомним, к примеру, черты некоторой жестокости, однолинейности в Егоре Трубкине (фильм «Председатель»), — он отрицает во имя идеала. Его Бахирев в фильме «Битва в пути» и его Председатель — характеры сильные в сознании своей правоты, ищущие совершенства жизни и активно преобразующие ее, а главное — требующие от окружающих такого же сознательного, активного отношения к жизни, такой же страсти к созидательному труду, заражающие всех вокруг сознанием серьезности, исторической значимости каждодневного дела, будь то принципиальные преобразования в заводском производстве или нелегкий послевоенный колхозный труд. ОБЪЕМНОСТЬ образа положительного героя, в которого веришь, которого узнаешь в многообразном облике сегодняшней жизни, — огромная заслуга актера Ульянова.

Егор Трубкин Ульянова — простецкий вроде бы человек, с неброской внешностью, с пустым рукавом — за кадром состоялось начало духовного становления героя в довоенной жизни и на фронте, — но сколько в нем внутренней силы! Образ его вырастает в реалистический символ советской жизни во внутренней сущности ее. Недаром так высоко — Ленинской премией — было отмечено исполнение этой роли.

Ульянов — народный артист, и своим талантом и личностью он раскрывает нам многозначный смысл этого звания. Вспомните в людскую массу — то тут, то там мелькнет ладно скроенная коренастая фигура, чем-то внешне напоминающая то Егора Трубкина, то Бахирева. До портретного сходства серую кепку надвинув на лоб, крепко ступая, идет по своим делам обыкновенный человек с прекрасно повторяющимися ясными чертами. Талант Ульянова сумел донести до нас, каким достоинством исполнен характер этого человека, убедительно раскрыть внутреннюю напряженную, правдолюбивую и всепобеждающую силу его натуры. И когда узнаешь этот социальный тип в людском потоке, охватывает радостное ощущение уверенности и в теперешней, и в будущей его жизни.

...Из маленького сибирского городка с дощатыми тротуарами двадцать с небольшим лет назад приехал в Москву упрямый сероглазый мальчик и, связав свою судьбу с Шуйским училищем при Театре имени Вахтангова, а потом и с самим театром, вошел в блистательную плеяду тех советских актеров, которые являют собою сегодня гордость отечественного искусства.

Для массового зрителя Ульянов — прежде всего актер кино. Миллионы людей знают его благодаря кинематографу. Но становление Ульянова-актера, чья художническая работа так филигранна, естественна и проста, что технической стороны ее не видит зритель, произошло в театре, где он сыграл и играет самые разнообразные роли, от Бориса Годунова в спектакле «Великий государь» до Рогожина в «Идиоте». Бригелла в «Принцессе Турандот» — это тоже Ульянов. Серафим Чайка в «Стряпуче» — Ульянов.

Спасибо театру: такой талант взлелеять и выпестовать, не сломав творческой индивидуальности, а

подчеркнув ее, может только творчески очень цельный, богатый и сильный коллектив.

Почти ежедневно выходит на сцену в разных ролях Михаил Ульянов. Но в театре, на очередном спектакле с его участием, меня не покидает сожаление, что сегодня его видит только тысяча зрителей. Хорошо, что время, которое выбрала природа для рождения этого мастера, — время высокого развития и массового распространения кино!

Хочется сопоставить Ульянова с одним из лучших актеров вахтанговской школы — Борисом Щукиным. Эпоха увидела его в образе Ленина, и эта роль стала событием не только в жизни советского искусства, но в сознании миллионов людей, которым открыл Щукин прекрасный внутренний мир великого вождя.

Явственна общность актерских путей Щукина и Ульянова. От театра и через театр — в кино. Мысль о роли Ленина у Ульянова — мне увиделось в беседе с ним — важнейшая сейчас мысль. В характере Михаила Александровича — не говорить много о главном, сокровенном. Когда я спросила его об этой предстоящей работе, детская мягкая улыбка на лице артиста, оставшаяся от только что сказанного о чем-то другом, исчезла. Любый актер не может не испытывать трепета от понимания ответственности задачи создания образа великого человека, и Ульянов был весь пружина, когда говорил об этом.

Встретилась я с Ульяновым в театре перед началом героико-романтического спектакля «Конармия» по И. Бабелю в постановке Рубена Симонова, где Михаил Александрович играет роль Гулевого. Предстала передо мной натура редкостная в своей цельности, строгая и необычайно собранная. Зрителю может показаться, что этот артист просто воплощение счастливого типажа и переносит свои личные человеческие качества на сцену или экран, поскольку сам он необычайно убедителен. Но его кажущаяся нетехничность — от высочайшего мастерства. Такая простота дорогого стоит! Не переставало меня поражать во внешности Ульянова и манере то, что он меньше всего похож на актера. Он сам по себе значительная личность, еще один, не воплощенный откуда-то тип нашего современника, который должен быть отражен в нашем искусстве — настолько он интересен и самобытен. Совсем иначе посмотрела я на все его наиболее значительные роли. Мне вспомнилась строчка Евгения Винокурова: «Мое мастерство избежать мастерства», и таким я поняла кредо Ульянова-художника.

Было нелегко «разговорить» Ульянова. Замкнутый в своих мыслях, чувствах, заботах, актер ждал четко поставленного вопроса, не отвлекаясь, отвечал только на него. Речь зашла о его последней работе в кино — Мите Карамазове, которую я приемлю абсолютно, даже, может быть, слишком горячо. Разговорились, поспорили: когда возражаешь, Ульянов насупливается немного, русыми ресницами прикрывает глаза, упрямо подавшись вперед. Но если мнение твое совпадает с его мнением, Михаил Александрович радуется, и такой неповторимой, еще нигде не выказанной улыбкой теплится его лицо! Много пишут о фильме «Братья Карамазовы», размышляя о судьбах художников, сути искусства, о принципах экранизации и других проблемах. Фильм по «исполнительскому и бездонному роману гениальнейшего русского писателя» (А. В. Луначарский) поставил так много вопросов, что одной только специальной печати, занимающейся проблемами чисто профессионального характера, еще долго изучать и трактовать его. Одаренность и благородство, отвращение ко всему дурному в себе и окружающем, страстный поиск добра в человеке, вера в торжество этого добра и правды. При всем решительном различии — социальном, временном, личном — двух образов, Егора Трубкина и Дмитрия Карамазова, их несомненно объединяют эти свойства. И такой Митя, каким его увидел Иван Пырьев, не пропадет, не стигнет никогда. Он на каторгу по несправедливости «реализма действительной жизни» идет, а последние слова его, арестанта, — об истине и правде на земле.

Убедительно и интересно говорит Михаил Александрович о том, как он и другие авторы фильма

понимали религиозные поиски Достоевского. Они хотели видеть в них поиск веры в очень земном, широком смысле слова и именно эту веру — в человека, в его счастливое будущее — старались донести до зрителя.

Сцена в Мокром, кстати, поставленная уже без Пырьева Ульяновым и Кириллом Лавровым, в которой Митя предстал со всеми его восторгами и горестями, по-моему, вершина того, что сделал Ульянов в актерском искусстве. Но остановимся здесь и вспомним, как писали и говорили о вершинах мастерства Ульянова. Еще в откликах на его Бахирева подчас проскальзывала мысль о «потолке» его актерского дарования. Потом, после Егора Трубкинова, слышали мы вот он, оказывается, как развернулось-то, Ульянов, вот его действительная вершина. Конечно, Трубкинов — образ, близкий ему лично, человеку из глубинки, в прошлом от колхозной жизни. Ну, а теперь? Дворянский, с истеричкой, сынок, мяукающий, необузданный, натура о двух безднах, если уж говорить словами Достоевского, «о двух сторонах, о двух крайних безднах». И как достоверен Ульянов в выражении этого: глубоко заприкрытое, не изуродованное уродливейшей действительностью чувство чести и буйство, безудержность в страстях. Нежен сердцем, дик и благороден одновременно. Ульянову важно показать, как умеет любить человек и как его, человека, нужно любить. Взгляд на любимую женщину исполнен любви его, Ульянова, к человеку, к лучшему, что есть в нем. Здесь перед нами уже актер-философ. Любовь его к человеку огромна, талант неисчерпаем, трудолюбие бесконечно.

Михаил Александрович говорит, что работать над образом Карамазова было трудно — требовалось много сил, нужна была полная отдача. Но он и не похож на человека, который что-нибудь делает иначе. Конечно, я спросила его, чем, помимо работы, увлекается он. «Ничем, — последовал ответ, — работаю с утра до ночи, вот и все».

У В. Ключевского записано: «Кто не способен работать по 16 часов в сутки, тот не имеет права родиться и должен быть устранен из жизни, как узурпатор бытия». Сколько же часов в сутки работает Михаил Ульянов? Репетиции в театре, спектакли, подготовка ролей, киносъемки и большая общественная деятельность... Не узурпирует этот человек бытие, ничего не скажешь! «Нет, можно, конечно, найти время для чего-то еще, умеют же некоторые мои товарищи выкраивать время для серьезных увлечений, чаще всего это смежные искусства, что очень помогает в работе, — говорит Михаил Александрович. — Но я как-то не могу. Не получается... Очевидно, это свойство его — категорическая неделимость. Может быть, ему именно это и помогает в работе».

Михаил Ульянов производит впечатление человека универсального по своей галантности. Не приди однажды случайно в театральный кружок при маленьком театре — временно, в эвакуации обосновавшемся в его родном сибирском городке Таре — «просто так», как сейчас говорит Ульянов, «посмотреть», не заразись страстью к театральному искусству, он наверняка проявил бы себя высоко в чем-то ином, в другом деле, которое стало бы на его жизненном пути. По тому, как он мыслит, в нем угадывается что-то от ученого — страсть докопаться до сути, до сокровенности истины. Он по сути своей исследователь, жизнь предложила ему исследовать человека, мы видим, как он делает это в актерском искусстве.

«Не привлекала ли вас когда-нибудь другая профессия?» — спросила я Михаила Александровича. «Нет, никогда. Как в сорок четвертом году вошел в театр, тут все и решилось».

И сейчас живут в сибирском городке Таре отец и сестра Михаила Ульянова. Отец председательствовал в колхозе... Я не спросила, как в семье отнеслись к его уходу от земли. «Наверное, сложно — сначала, — подумала я. — Иначе бывает редко».

С благодарностью обращаемся мы сегодня к тому, где вырастили такого чистого, цельного человека, к земле, что выкормила его и, наделив могучей одаренностью, отпустила, чтобы он поведал всему свету, какие на ней живут люди. Пусть это порадует его земляков и родных.